

На Олимпе

Славное приветствие "Да здравствуют олимпийцы!" можно отнести, естественно, не только к "быстрейшим и сильнейшим", не позволено считать его признанием "божественности" искусства лучших. Недаром величайшие герои удостоивались чести появления на Олимпе.

Для всех почитателей оперы в нашем Отечестве Марининский театр — это неоспоримый Олимп сегодняшней музыкальной жизни (и не только нашей). Был бы он чуть-чуть поближе! Правда, сам maestro Гергиев-громовержец, бывает, заглядывает в столицу, но, к сожалению, не в оперный театр; некие передельные москвоушники на вечерок в Петербург засаждают, принося обратно в Мослову ощущение, что настоящая оперная жизнь обходит столицу чуть севернее. Да, дефицит — лучшая реклама.

И вот, после самого долгого предвкушения, когда музыкальный аппетит разыгрался не на шутку, на москвичей обрушилась оперная лавина — пять спектаклей Марининского театра плюс симфонический концерт; Гергиев бессменен за пультом; спектакли следуют почти без перерывов.

Уверю вас, что к концу этой недели устали даже самые стойкие оперные фанаты — от этого жизненного темпа, от полноты музыки; они устали переживать за этих железных певцов и неустоимого дирижера, про которого на симфоническом концерте восхищенные студенты шептали: "И как будто вчера он не дирижировал "Парсифалем" — такая собранность и легкость!"

Спасибо, Марининский театр, за "Летучего голландца" Вагнера! В нем присутствовала какая-то необыкновенная степень музыкального качества. Романтическая опера с подзаголовком "моряк-скиталец" слупалась на одном дыхании; зрелище, разворачивающееся на сцене, было органично и стильно (Тимур Чхендзе, Георгий Цыпин, Елена Зайцева, Джеймс Ингэлс). Уже первый состав певцов (Николай Путилин, Геннадий Беззубенков, Лариса Гоголевская, Леонид Захожаев) оставил впечатление безграничных возможностей оперной труппы. Публика ждала сюрпризов и приятных впечатлений.

Однако Гергиев и его команда не оправдали надежд доброжелательных москвичей. После Вагнера не очень удачно прозвучала "Хованщина" — раритетный для труппы спектакль Баратова-Федоровского, который живет только за счет собственно музыкального произведения.

А потом была "Катерина Измайлова" Шостаковича (редакция 1963 года) в не очень давней совместной постановке с оперой Израйля (Ирина Молостова, Георгий Цыпин, Татьяна Ногинова). После недавней "Леда Макбет" из Саратова заморская сначала слушалась и смотрелась трудно, так как спектакль казался построенным более для стройной концепции, чем для зрителя.

Скрипучий забор декораций являл собой и двор, и дом и, хотя постоянные перестроения этой функциональной конструкции производили впечатление, пустоты, образующиеся в это время в действии (музыка почему-то молчала), несколько удивляли и утомляли.

Да и вокальные силы казались недостаточными для передачи всей мощи произведения. С Борисом Тимофеевичем вообще произошла детективная история в духе Лескова, голос Ларисы Шевченко, хотя и обрел необходимую силу, дикции не прибавил; кого публика очень жалела, так это Зиновия Борисовича (Леонид Захожаев), который пел замечательно, но по сценарию был убит (Сергея пел Юрий Марусин).

Однако Гергиев и Шостакович все-таки победили публику. Действие неумолимо разворачивалось, а три последние сцены были приняты безоговорочно и потрясенно. Вот здесь, когда стенки этого европейского загона уперлись в пустоту, черноту, синеву неба и грязноту земли, на сцене были не просто оперные герои, а живая толпа, жизнь и смерть; все встало на свои места, зрители успокоились и забылись.

То, что за Гергиева и его театр переживали, болели — это совершенно точно. Переживательные старушки из Большого тихонько вздыхали и перешептывались: "Да, наша "Хованщина" лучше, да и вообще очень у них все темно; и так живем во мраке, хоть в театр-то приятный порадоваться... Но как поют! А Гергиев — красавец, такую трудную музыку играет..."

А что творилось на "Парсифале" Вагнера! Никакими словами нельзя передать это вагнеровское томление, прекрасное и ужасное одновременно. В зале вдруг обнаруживались священнослужители, так же незаметно исчезающие, как и появлялись.

Мерцающая паутина задника, не дающая отвести утомленного взгляда (режиссер Тони Палмер, сценография Евгения Лысыка), то рождала какие-то причудливые образы, то превращалась в сверкающий плывущий Алтарь.

"Ах!" — воскликнула женщина, когда в последней сцене открылся гроб с телом Титуреля... Весь спектакль, как волшебный сад Клингзора, как рана Амфортаса — священно — захватывающий и уводящий в невозможные выси, где только боль и сладость. Вокальные партии срослись с мощнейшим оркестром и были безупречны (Федор Можавев, Николай Охотников, Геннадий Беззубенков, Виктор Луцук, Николай Путилин, Лариса Гоголевская).

Гергиев приучил эту публику, несколько бесшабашную и не очень-то привыкшую серьезно работать, воспринимая даже самое необыкновенное зрелище.

И в последний вечер гастрелей он не побоялся разрушить то священное очарование, возникшее на "Парсифале" и ту лучистую праздничность, которая окружала самого дирижера на концерте в консерватории на следующий день после музыкальной драмы Вагнера (в концерте исполнялись Вторая симфония Брамса, "Чудесный Мандарин" Бартока и "Жар-птица" Стравинского).

"Огненный Ангел" Прокофьева — это совершенно европейская постановка (Дэвид Фримэн, Дэвид Реджер). Возможно, без столь сильных солистов (Николай Путилин, Лариса Гоголевская, Геннадий Беззубенков, Константин Плужников — очень характерный Мефистофель, пожалуй, даже в ущерб вокальной стороне) и гергиевского оркестра она показалась бы несколько выхоленной. Даже последняя раздетая сцена шокирует только при ближайшем рассмотрении. Но спектакль — это произведение мгновенная, а мгновенное было удачно и ценно. Станный брюсовский сюжет не казался нелепым, он жил и волновал.

Да здравствуют олимпийцы, да здравствует Гергиев! Мы все-таки приседем вечером на твой Олимп, пусть даже к нему ведет не одна электричка, а целых пять.

П. СЕМЕНОВА